

— Нет! — закричал Авреем, когда захлопнулись стальные двери, запечатав их в освещённом красными лампами полумраке.

Он заплакал, когда почувствовал, как взревел двигатель и тяжёлый транспорт тронулся с места. Он пнул двери, и чуть не сломал кость, продолжая снова и снова бить по металлу.

— От этого тебе не станет лучше, — раздался за спиной голос.

Авреем раздражённо развернулся и увидел человека, который угрожал Исмаилу ножом. У него отобрали оружие, а руки связали впереди пластиковыми наручниками. Как и огрин он казался противоестественно спокойным, и Авреем возненавидел его за это.

— Куда они нас везут? — спросил он.

— А ты как думаешь? На посадочные площадки. Нас завербовали, и мы направляемся в утробу космического корабля, чтобы загребать топливо, таскать ящики с боеприпасами или каким-то другим дерьмом, пока не умрём или не покалечимся.

— Ты довольно спокойно об этом говоришь.

Человек пожал плечами. — Я считаю, что такова моя судьба — попадать в дерьмо с небес. Думаю, что у Императора совершенно извращённое чувство юмора, когда дело доходит до моей жизни. Он проводит меня через худшее, что может случиться с человеком, но поддерживает меня. И для чего? Чтобы я пошёл и хлебнул ещё больше дерьма? Проклятье, я хочу, чтобы Он завязал со мной.

Авреем услышал глубину страданий человека и эхо чего-то столь ужасного, о чём он не желал думать. Это звучало, как правда.

— То, о чём ты рассказывал полковым командующим, и в сам деле произошло? — спросил он.

Человек кивнул.

— И всё о Гидре Кордатус? Это всё, правда?

— Да, я говорил правду. И ничего хорошего из этого для меня не вышло, — ответил человек, протянув руку в наручниках Авреему. — Гвардеец Юлий Хоук. Добро пожаловать в дерьмо.

Пара запутанных четырёхмерных карт южных пределов сегментума Пацификус висела в воздухе над гололитическим проектором. Жилые помещения “Ренарда” не обладали такими технологиями, поэтому магос-картограф Виталий Тихон забрал его из своей обсерватории на Кватрии. Призрачные звёздные системы кружились в танце, который выглядел случайным, но

на самом деле был тщательно выверен и классифицирован, словно совершеннейший бинарный язык.

Многочисленные глаза Тихона видели божественную красоту в астрономической географии, но среди мерцающего изображения южных звёзд на краю известного космоса подобно чувствительному ожогу от лазера пылала болезненная злобная рана.

Шрам Ореола — погруженный во мрак регион враждебного космоса, который проглатывал корабли и сопротивлялся всем попыткам проникнуть сквозь его тёмную вакуумную пустоту. Никто не знал, что лежало в пределах Шрама и последний флот, который осмелился войти в его глубины в поисках знания, исчез из галактики тысячи лет назад. Избранный Машинной Телок привёл обречённый флот в Шрам Ореола, в поисках ответа на то, что он называл величайшей тайной вселенной. Ни один из его кораблей не вернулся.

До сих пор.

Ноосферные теги мерцали и гасли подобно искрам, пока многочисленные глаза Тихона просматривали по сто звёздных систем в секунду. Он искал ответ на загадку, которая заставила его принять приглашение архимагоса Котова участвовать в экспедиции.

Он знал каждый блик и каждую туманность на первой карте, потому что сам составил её немногим больше пятисот лет назад.

Ах, но вторая карта...

Стороннему наблюдателю, даже талантливому звёздному картографу могло бы показаться, что между ними нет никаких различий. И всё же для Тихона вторая карта с таким же успехом могла изображать мутировавшие волчьи звёзды, злобно уставившиеся в измученный космос вокруг Мальстрёма. Структура второй карты представляла собой скопление тысяч и тысяч скомпилированных астрономических измерений со всех сегментумов, топорная в сравнение с точностью его работы, но достаточно подробная, чтобы вызывать беспокойство.

Щёлкая механическими пальцами — по десять на каждой руке — он повернул сферу из звёзд и систем, увеличивая масштаб тактильными жёстами. Тихон изучал отдельные спектры длины волн, импульсные интервалы и радиационный выход звёзд, которые неожиданно быстро — по астрономическим меркам — постарели на сотни тысяч лет.

Он машинально выдохнул, удивляясь пережитку, словно обладал органическими лёгкими.

— Ты же знаешь, что уставившись на эти карты, не увидишь ничего нового, ведь так? — спросила Линья, не поднимая взгляда от книги. Его дочь сидела за потёртым деревянным столом. Капитан Сюркуф достал его для неё из затхлой камеры хранения во влажных клуатрах, которые примыкали к машинному отделению. Старое дерево пахло некачественным маслом, дешёвой смазкой и смесью хлорина с очистителем и диоксидом углерода из фильтров воздуха.

Не самый приятный из ароматов и в то время как Виталий мог фильтровать его, у Линии не было такой возможности. Но, похоже, она не возражала и более того наслаждалась счастливым случаем для разнообразия поработать за столом из органического материала, а не пультом управления из холодной стали.

— Я знаю, дорогая девочка, но это моя работа, — ответил Виталий, используя человеческий голос. Хотя его голосовые связки давно атрофировались, Линья настояла, чтобы он заменил их искусственно выращенными. Конечно, она понимала и могла общаться на бинарном коде, а также на более сложных религиозных литургиях техно-языка, но решила высказываться на несовершенном и неточном наречии непросвещённых.

— И она останется твоей работой и завтра, а затем и послезавтра, — сказала Линья, наконец, оторвав взгляд от книг. В отличие от своего отца она оставалась всё ещё — внешне — в основном органической. Она носила красные цвета Духовенства — по праву члена Культа Механикус — но на этом сходство с большинством жрецов Марса заканчивалось. По её плечам рассыпались длинные тёмные волосы, кожа тонкокостного лица была гладкой. Чертами она напоминала отца, что и следовало ожидать, несмотря на аномалию в репродуктивном процессе, результатом которой стало спонтанное изменение пола, выбранного им для преемника.

За эти годы модернизировали немалую часть внутренней биологической структуры Линьи, но она упрямо цеплялась за первоначальную человеческую фигуру и архаичные пути предков. Книга, в которой она писала, была изготовлена из прессованного растительного сырья, а инструмент, которым она записывала свои мысли и экспериментальные наблюдения, был обычной пластексовой трубочкой, наполненной жидким красителем.

Отказ Линьи следовать конвенции служил источником раздражения для коллег-жрецов и источником большого удовольствия для Виталия.

— Не сомневаюсь, что так и будет, — ответил он, — но, если вспоминать научные открытия, в них всегда присутствует некоторая степень беллетристики. Мы запоминаем “Эврика!” и забываем десятилетия исследований, неудачных стартов и опровергнутых гипотез на пути к просвещению. Забываем сколько жрецов потерпели неудачу в своих начинаниях, а помним того, кто наткнулся на правду, учась на их ошибках.

— Ты снова говоришь о магосе Моджаро, не так ли?

— Человек может умереть, но память о нём останется надолго, если он внесёт свой вклад в великое дело. Время вбирает в себя поток, поглощённый забытыми деяниями. Величайшие моменты являются всего лишь кульминацией одной тщательно проработанной мысли, — процитировал древнюю мудрость Виталий, словно это были его слова. — Как все люди должны благодарить безымянных прародителей прошлого, так и мы обязаны продолжать выживать в настоящем, дабы пришедшие после нас продолжили великое дело.

— Да, он пример для всех нас, отец, но от этого ты не станешь лучше понимать изменения на

этих картах. Чётность данных макроскопа слишком разбросана для использования, и вся информация, которую восстановили из скопления в лучшем случае из третьих рук. Нам нужно приблизиться к Шраму Ореола, прежде чем мы сможем сделать какой-то конкретный вывод.

Она замолчала, прежде чем продолжить, и Виталий знал, что она собирается сказать, потому что дочь говорила это ему уже много раз.

— Ты же понимаешь, что нам не следовало принимать участие в этой миссии? В конечном счёте, даже если мы сможем пробиться на противоположную сторону Шрама, неизвестно, как мы вернёмся. Последние эксплораторы, которые путешествовали за пределы Шрама, были объявлены пропавшими более трёх тысяч лет назад. Даже если у капитана Сюркуфа и в самом деле есть подлинный реликт пропавшего флота Телока, то с чего ты решил, что мы не разделим его судьбу?

Она вздохнула, пытаясь зайти с другой стороны. — Возможно, это один из аспектов существования Шрама, чьи изменённые данные мы получили?

— Ты и в самом деле считаешь, что я не думал об этом? — спросил Виталий. — Да, звёздная география непостоянна, но изменения, которые ты и я, мы оба видели, должны занять, по крайней мере, сотни тысяч лет, а не несколько веков.

Она вздохнула, пытаясь зайти с другой стороны. — Возможно, это один из аспектов существования Шрама, чьи изменённые данные мы получили?

— Ты и в самом деле считаешь, что я не думал об этом? — спросил Виталий. — Да, звёздная география непостоянна, но изменения, которые ты и я, мы оба видели, должны занять, по крайней мере, сотни тысяч лет, а не несколько веков.

— Ну и понял ты что-нибудь за последние три часа, когда смотрел на карты?

— К сожалению, нет, — ответил он без разочарования. — Хотя я очень надеюсь понять, почему эта карта больше не соответствует первоначальным показаниям, полученным расположенными на месте макроскопами. Слишком много времени прошло с тех пор, как я рисковал за пределами орбитальных галерей Кватрии.

Виталий махнул в сторону карт и тактильными сенсорами сильно увеличил масштаб, заполнив помещение мерцающими светящимися точками. — Архимагос лично просил о моём присутствии.

— Несмотря на возражения Марсианского Конклава, — парировала Линья.

Виталий свернул звёздные карты раздражённым жестом.

— Котов не дурак, — сказал он. — Он ценит мои глубокие познания об этом регионе космоса и понимает, что моё присутствие может оказаться разницей между великолепным успехом и позорной неудачей.

Линья ничего не ответила, и Виталий получил передышку. Даже его самого не слишком убеждал сказанное. Он не знал, почему Лексель Котов воспользовался своим драгоценным правом вето, ведь архимагос не был известен, как жрец склонный к жестам эмоциональной снисходительности. Мало кто мог сравниться с Котовым в безжалостной решимости и строгом следовании протоколу, они были легендарны даже среди Духовенства, которое рассматривало холодную грубость, как добродетель.

— Возможно, потеря феодального мира-кузни придала Котову толику смирения, — предположила Линья и Виталий едва не рассмеялся.

— Я и на наносекунду не поверю в это, а ты?

— Нет, и это приводит меня к мысли, что у Котова есть другая причина просить о твоём участии в своей безрассудной экспедиции.

— И, несомненно, у тебя есть теория относительно этой причины?

— Он в отчаянии, — сказала Линья. — Его миры-кузни уничтожены и даже ты должен был слышать слухи о направленных генерал-фабрикатору петициях с призывами конфисковать марсианские владения Котова. Он знает, что не может добиться поддержки ни у кого из более влиятельных магосов и чтобы восстановить политическую поддержку на Марсе, ему необходим огромный успех. Возглавить поисковую экспедицию флота Телока — последний шанс Котова спасти репутацию. Это его единственная надежда отвести угрозу от оставшихся кузниц.

Виталий кивнул, но прежде чем он смог привести хотя бы символические аргументы в защиту планов Котова, раздался резкий стук в задвижную дверь их общих покоев.

— Да, господин Сиаваш? — произнёс он.

Наступила тишина.

— Как вы узнали, что это я? — спросил молодой боец. Виталий слышал, как он щёлкает ножом-бабочкой и треск ловких пальцев.

— Длина шага, соотношение веса к децибелу звука шага, — ответил Виталий. — И это если не упоминать раздражительную мелодию, которую ты зачем-то насвистываешь на ходу.

— Это “Гордость Джоуры”, — пояснил Адара Сиаваш сквозь дверь. — Когда я был маленьким, мой папаша играл её на флейте и...

— Что тебе нужно, Адара? — перебила Линья, прервав очередной рассказ юноши о его пасторальном детстве.

— Привет, мисс Линья, — произнёс молодой человек, и даже несмотря на противозрывную дверь, Виталий мог представить, как он покраснел. — Капитан Сюркуф прислал меня сообщить, что мы почти готовы состыковаться со “Сперанцей”.

Робаут наблюдал за линкорами Флота, невозмутимо плывшими по высокой орбите, всего лишь яркие светящиеся точки, которые мигали и мерцали в свете далёкого солнца. Более энергичные крейсера плели патрульные кружева вокруг раздувшихся масс-транспортов, готовых перевести недавно призванные вниз на планете полки Гвардии в постоянно расширяющийся крестовый поход в секторе Пергам. Джоура была гордым и густонаселённым миром из тех, что обычно отвечали на призыв солдат на службу в гордых рядах Имперской Гвардии.

Неистошимые армии Императора сохранялись только благодаря таким мирам, как Джоура. Масштаб масс-транспортов поражал, огромные левиафаны длину и ширину которых невозможно было постичь, как и способность летать, не говоря уже о пересечении огромных межзвёздных заливов между системами. И всё же их затмевала колоссальная “Сперанца”.

Адара привёл магоса Тихона с дочерью на мостик, они появились как раз в тот момент, когда “Ренард” начал приближаться к необозримой надстройке ковчега Механикус. Хотя их разделяло ещё шестьсот километров, борт флагмана Лексея Котова уже заполнил смотровой экран. Скорее отвесная скала из полированной стали и адамантия, чем судно, он являл собой панораму металла, которая бросала вызов рациональному пониманию, как такой колоссальный корабль мог вообще существовать.

Виталий и Линья — Робауту пришлось признать, что она привлекательная, хотя и немного замкнутая женщина — с нескрываемым восхищением уставились на огромный ковчег. Даже для жрецов Механикус было честью увидеть столь древний и замечательный корабль.

— На орбите так много судов, — сказал Адара. — Никогда столько не видел.

— Чепуха, — ответил Робаут. — Тебе нужно увидеть солнцестояние Ультрамара, вот это собрание так собрание. Представь дюжину миров, участвующих в смотре. Там столько кораблей на орбите, что ты можешь натянуть скафандр и разгуливать вдоль орбитального экватора не по пустоте космоса, а просто перешагивая с корпуса на корпус.

— Вы смеётесь надо мной, не так ли? Это невозможно.

— Хочешь держать пари? — спросил Эмиль.

— С тобой? Никогда в жизни.

— Позор, — оскорблённо насупился Эмиль. — Никто больше не держит пари со мной.

— Потому что ты всегда побеждаешь, — сказал Робаут.

— Что на это скажешь, я — везунчик, — ответил Эмиль, пожав плечами.

— Удача Ультрамара, — согласился Адара.

— Такой вещи, как удача не существует, — произнесла Линья Тихон, не отводя симпатичные глаза от смотрового экрана. — Есть только статистическая вероятность, апофения и предвзятость подтверждения.

— Тогда нам с тобой стоит сыграть несколько партий в рыцарей и плутов, — сказал Эмиль.

Робаут усмехнулся, возвращая внимание к смотровому экрану и невероятно огромному кораблю перед “Ренардом”.

— Святая Терра... — выдохнул Эмиль, наконец, взглянув на корабль, к которому они приближались.

— Ты, разумеется, хотел сказать “Святой Марс”? — спросила Павелька.

— Какая разница. Эта штукавина чертовски огромна.

— Столь виртуозное преуменьшение. “Сперанца” — корабль, который затмевает все остальные. Хвала Омниссии.

Робаут слышал о судах, которые называли ковчегами Механикус, но не верил в рассказы об их городских пейзажах размером с континент и массу с планетоид, считая это преувеличениями, приукрашенными легендами или откровенной ложью.

Теперь он знал лучше.

Мимо проплывал линкор и Робаут узнал его тип — “Доминатор”. Курс военного корабля пролегал под “Сперанцей”, но ширина ковчега Механикус легко затмевала его длину. Если корабли Флота имели склонность к носам в форме клина и гигантским каменным соборам, возведённым в угловатых конструкциях корпусов, то Механикус одобряли менее показной подход к дизайну судов. Функциональность, а не форма или прославление стала путеводящим светом древних судостроителей. В колоссальном корабле встречалось мало симметрии, полностью отсутствовали позолоченные арки величественной архитектуры, молящиеся монастырские скульптуры, сводчатые геодезические купола, гигантские орлиные крылья или широкие зубчатые стены.

Вся “Сперанца” представляла собой инфраструктуру и промышленность, улей, обладавший цехами, очистительными заводами, сверкающими электростанциями, километрами и километрами лабораторий, испытательных полигонов, химических резервуаров и генетических лазаретов, устроенными настолько эффективно, насколько позволяли древние планы, по которым создали ковчег. Вес двигателей превышал полную массу большинства кораблей, отдельные генераторы пустотных щитов и полей Геллера были достаточно велики, чтобы защитить целый фрегат.

Робаут повидал за свою жизнь предостаточно космических левиафанов, как имперских, так и иных, но он ещё не встречал ничего, что сравнилось бы с невероятной безжалостностью и стремлением Механикус построить столь ужасно впечатляющий корабль.

— Нам потребуется несколько дней, чтобы добраться с посадочной палубы до мостика, — сказал Эмиль.

— Возможно, у них есть внутренние телепорты, — предположил Робаут.

— Не шутите так, — отозвался Адара.

— Я не шучу. Серьёзно, не шучу. Как ещё кто-нибудь может перемещаться на судне такого размера?

— Никто и никогда не станет меня никуда телепортировать, — упорствовал Адара.

— Отлично, ты можешь остаться на “Ренарде” и не дать его разобрать и изучить, — сказал Эмиль.

— Ты думаешь, они пойдут на это?

— Сомневаюсь, но чем чёрт не шутит, — ответил Робаут, похлопав инкрустированные жемчугом подлокотники командного трона. — “Ренард” — классический образец “Триплекс-Фолл” 99 типа “Неустршимый” с санкционированной на Коноре модернизацией щитов. Я не стал бы доверять техножрецу с гаечным ключом, который окажется рядом.

— Несправедливая оценка, — произнесла Линья Тихон. — Никто из техножрецов не прикоснётся к кораблю, как только они загрузят его историю. Их слишком напугает перспектива системной деградации от таких древних данных.

— Вопросительно: это шутка? — спросила Павелька, механодендриты техножрицы напряглись, а жидкообращение ускорило, принимая вызов, направленный на её корабль.

— Это шутка, — сказала Линья.

— Не оскорбляйте наш корабль. Уж кому-кому, а вам следует это знать лучше всего.

— Прошу прощения, магос, — извинилась Линья с бинарным кашлем, чтобы подчеркнуть своё раскаяние. — Неудачная шутка.

— Что это за суда? — поинтересовался Адара, указывая на несколько высокобортных кораблей, омываемых светом луны Джоуры, неуклюжие суда, напоминавшие формой “Капитолий Империалис”. Они направлялись в похожий на пещеру трюм одного из кормовых посадочных грузовых отсеков и хотя каждый, несомненно, был огромен, даже их затмевала “Сперанца”. Эмиль медленно начал вращать медный диск ауспиков, чтобы поймать частоту радиообмена между судами, и вздрогнул от боли, когда имена вызывающе ворвались в космос. Он схватил ушной имплантат, уменьшая звук, когда голоса на машинном языке громко выкрикивали имена и предупреждения.

— Легио Сириус, — объяснил Эмиль, растирая бок головы, где бинарный визг перегрузил несколько имплантированных когнитивных матриц. Робаут кивнул, увидев канидайский символ на бортах транспортов.

— Титаны, боги-машины, — почти неслышно прошептала Павелька. — Я когда-то проводила ритуал обслуживания раненой машины Легио Претор. Только “Пса войны”, но всё же...

— Легио предупреждает людей держаться подальше от их погрузочных операций, — произнёс магос Тихон.

— Для таких крупных ублюдков они скромнее офелийской госпитальерки в первую брачную ночь, — сказал Эмиль, хитро подмигивая. — Поверь мне, я знаю, о чём говорю.

— Ты не должен говорить такие вещи о сороритас, — покраснел Адара.

Робаута никогда не переставало удивлять, что человек, столь умело отнимавший жизнь и причинявший вред, оказался таким невинным в отношении женщин. Адара отточил свои навыки в одной сфере, пренебрегая другими. Капитан мог бы восхититься этой чертой, потому что видел, как другие следовали тому же пути на борту “Иглы Иши”, но те времена давно прошли, и он держал их при себе.

Пальцы Эмиля затанцевали на панели управления, и она начала последовательно мигать. Чтобы не говорили об Эмиле Надере — он был первоклассным пилотом. Робаут почувствовал движение палубы, когда “Ренард” начал поворачиваться и опускать тупой нос, чтобы пролететь под “Сперанцей”, ожидая последнего разрешения на стыковку, которую выполняют диспетчеры Механикус. Управление было передано, и Эмиль откинулся на спинку кресла.

— О'кей, если мы теперь разобьёмся и сгорим, то уже не по моей вине.

Робаут собрался ответить, но в этот момент они попали в гравитационную зону ковчега Механикус, корпус задрожал, а по надстройкам “Ренарда” пронёсся скрежущий гул. Масса и плотность “Сперанцы” были столь колоссальны, что она создавала искажённое поле силы тяжести, как у нестабильной луны. Следовать сквозь такое изменчивое пространство без электромагнитного фала было очень опасно, впрочем, это не помешало Эмилю желать попробовать.

Капитан наблюдал за похожим на пещеру трюмом “Сперанцы”, который с каждой секундой становился всё шире, пока “Ренард” дрожал в гравитационных помехах. С каждым километром сердце Робаута билось всё сильнее, их тянули словно добычу, заглотившую приманку.

Подобное сравнение ничуть не обнадеживало.

Эмиль наклонился и прошептал. — Между прочим, я всё ещё считаю это ужасной затеей.

— Ты уже несколько раз дал чётко это понять.

— Ты же знаешь, что не обязан идти на это, Робаут. У нас много выгодных маршрутов, а контрактов больше, чем мы можем выполнить. Если ты спросишь меня, что ты почти никогда не делаешь, то попытка направиться за Шрам Ореола — это ненужный нам риск.

— Это — приключение. Подумай о том, что мы можем там найти.

— Я подумал. И поэтому мне снятся кошмары, — ответил Эмиль, оглядываясь на дверь капитанской каюты. — Ты уверен, что штука в стазисном сундуке настоящая? Сомневаюсь, что марсианские жрецы обрадуются, если это не так.

— Она настоящая, я уверен, — сказал Робаут, и ковчег Механикус проглотил “Ренард”.

— Я рад, что хоть один из нас уверен, — обеспокоенно ответил Эмиль.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/656281>